

ЧОН ЁН ЦОЙ
ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
ЮЖНОЙ КОРЕИ И ИХ УЧАСТИЕ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ¹

Введение

Начавшаяся в 1987 г. демократизация дала толчок интенсивному развитию южнокорейского общества. В экономической сфере процветанию страны способствовало развитие бизнеса – в лице, прежде всего, таких крупных фирм, как «Samsung» и «Hyundai». В мире все большую популярность завоевывает корейская культура, экспансия которой получила название «корейская волна». Гражданское общество достигло уровня развитых демократий: в стране сформировались многочисленные каналы выражения социальных интересов и механизмы политического участия, включая НГО.

Тем не менее, по мнению многих экспертов, политическая сфера Южной Кореи переживает упадок и тормозит движение страны к полноценной демократии. Причину этого аналитики видят в несовершенстве политических партий, эффективность которых и уровень доверия к которым со стороны общества крайне невысоки.

Статья посвящена двум главным вопросам. Первый затрагивает отличительные особенности политических партий страны. Отвечая на него, мы сделаем общий обзор состояния корейских политических

¹ Статья представляет собой доклад автора на международном «круглом столе» «Политические партии и выборы: мировая практика и опыт Узбекистана», проходившем 25 сентября 2014 г. в г. Ташкенте. Публикуется с разрешения автора.

партий и партийной системы Южной Кореи. Второй вопрос касается участия политических партий в управлении государством и отношения к ним граждан как к посредникам между властью и обществом. В заключение мы подведем итоги опыта партстроительства в Южной Корее.

Специфика политических партий Южной Кореи

Региональный и идеологический электоральные расколы

По мнению многих аналитиков [Choi, 1995; Lee, 1999; Park, 1993; Yang, 2001], после президентских выборов 1987 г. определяющим водоразделом политической сферы Южной Кореи стал регионализм: четыре основных кандидата (Ро Дэ У, Ким Ён Сам, Ким Дэ Чжун, Ким Джон Пхиль) были родом из разных регионов, причем активно пользовались их поддержкой в предвыборной борьбе. С тех пор партийная система Южной Кореи испытывает сильное влияние регионализма, а принадлежность к той или иной территории выступает определяющим фактором электоральной политики.

Особенно заметны электоральные различия между двумя регионами: Юго-Восточным Йоннамом и Юго-Западным Хонамом. Йоннам – родина бывших президентов Чон Ду Хвана, Ро Дэ У и Ким Ён Сама, а Хонам – диссидента Ким Дэ Чжун. Вполне закономерно, что это нашло свое отражение в электоральных предпочтениях: жители Йоннама традиционно поддерживали правящую партию «Сэнури» и ее предшественниц, а избиратели Хонама – партию «Демократическая коалиция за новую политику» (New politics alliance for democracy party – NPAD).

Однако постепенно фактор региональной принадлежности в южнокорейской политике ослаб. С 2000-х годов актуализируется еще одно электоральное размежевание – идеологическое: консервативный электорат голосует в основном за «Сэнури», либеральный – за NPAD. Тем не менее, учитывая, что процесс идеологической идентификации обеих партий еще не завершен, идеология пока не стала ключевым фактором электоральной конкуренции.

Таким образом, начиная с 1987 г. на партийную систему Южной Кореи воздействуют два основных размежевания – региональное и идеологическое. Учитывая, что региональная составляющая в

межпартийной конкуренции постепенно сокращается, а идеологическая, напротив, усиливается, можно предположить, что в настоящее время корейская партийная система постепенно трансформируется из мультипартийной в двухпартийную.

Избирательная система Южной Кореи

Еще одна тенденция в развитии партийной системы Южной Кореи связана с изменением избирательного законодательства. Если правила, регулирующие президентские выборы, не менялись с начала демократизации (мажоритарное голосование в один тур), то в отношении парламентских выборов они трансформировались существенно. Реформа 2004 г. привела к появлению смешанной системы — кандидаты в Национальную ассамблею выдвигаются как по партийным спискам, так и по одномандатным округам. Пропорциональная система позволила повысить репрезентативность партийного представительства в Ассамблее.

Внутрипартийная дисциплина

Хотя после 1987 г. внутренняя дисциплина в южнокорейских партиях заметно ослабла, она по-прежнему достаточно высока. Свидетельством тому служит, например, поименное голосование в Национальной ассамблее, которое проводится строго в соответствии с партийной принадлежностью. Трудно представить, чтобы парламентарий проголосовал вопреки воле своей партии.

Причина высокой партийной дисциплины в Южной Корее коренится в большом влиянии, которое партийные лидеры оказывают на процесс выдвижения кандидатов. Маловероятно, что депутат, проигнорировавший требования партии, вновь будет выдвинут в парламент. Поэтому рядовые члены Национальной ассамблеи делают все, что от них требуют партийные лидеры, даже если они с этим не согласны.

Партийная идентичность

Теория партийной идентичности и политического поведения во многом сложилась под влиянием исследований Мичиганской

школы и классической работы «Американский избиратель». Кэмпбелл и его коллеги определяют партийную идентичность как психологическую привязанность индивида к определенной партии, развивающуюся в процессе политической социализации с самого раннего детства [Hess, Torney, 1967]. Партийная идентичность облегчает избирателю выбор кандидатов и партий, помогает распознавать программы и идеологии, способствует ретроспективной оценке предвыборных кампаний [Bartels, 2002; Gerber, Hubert, 2010; Горен, 2002; Lodge, Хэмилл, 1986]. В итоге партийная идентичность существенно влияет на электоральное поведение [Bafumi, Шапиро, 2009; Бартельс, 2000] и выступает эффективным механизмом мобилизации избирателей [Rosenstone, Хансен, 1993].

Основной фактор партийной идентификации корейского избирателя, как уже отмечалось, – региональная принадлежность. Многие исследователи отмечают, что регионализм является в Южной Корее ключевым аспектом электорального поведения и партийной идентификации. Например, по словам Х. Ли, партийную идентификацию корейских избирателей следует понимать в логике регионального размежевания; позже эта идея была поддержана А. Хваном [Lee, 2001; Hwang 2008]. Недавние исследования также подтвердили, что регион рождения сильнее влияет на партийную идентификацию избирателей, чем все остальные факторы [Park 2013; Jang, 2012; Nan, 2012].

По табл. 1 видно, что уровень партийной идентификации корейских избирателей растет, хотя и не так значительно, как в других новых демократиях. Проведенный в ходе президентских выборов 2012 г. опрос показывает, что более 50% избирателей идентифицирует себя сегодня с той или иной партией. Данный факт свидетельствует о консолидации партийной системы в Корее, хотя темпы ее, конечно же, остаются невысокими.

Таблица 1

Уровень партийной поддержки в новых демократиях

Годы	Чехия	Венгрия	Польша	Южная Корея	Тайвань
1996	48,8	35,0 (1998)	52,3 (1997)	27,3 (2000)	33,6
2004	57,9 (2002)	52,3 (2002)	37,6 (2001)	34,1	46,7
2008	41,6 (2006)	нет свед.	50,0 (2007)	37,8	49,6

Корейские политические партии и государственное управление

Одна из важнейших функций политических партий заключается в аккумуляции разнообразных, в том числе конфликтных, социальных интересов и их интеграции в процессе принятия решений – посредством межпартийного сотрудничества и дискуссий. Эффективное государственное управление в демократиях возможно только тогда, когда эта функция работает в полную силу. Однако корейские политические партии не слишком в этом преуспели. Почему?

Стабильность президентской республики, система которой основана на принципе сдержек и противовесов, обеспечивается компромиссом между конкурирующими сторонами. Конфронтация между правящей партией и оппозицией способна завести процесс принятия политических решений в тупик и тем самым осложнить государственное управление. Таким образом, для успешного функционирования президентской республики необходимо, чтобы правящая и оппозиционная партии были готовы к компромиссам при обсуждении политической повестки.

Однако в Южной Корее уровень конфронтации между конкурирующими партиями крайне высок и исключает возможность каких-либо компромиссов. С начала демократизации межпартийные конфликты явились причиной срыва более 40% заседаний Национальной ассамблеи. У такого положения вещей есть две причины.

Первая причина заключается в том, что поведенческие модели правящей и оппозиционных партий сложились еще в эпоху авторитаризма и, несмотря на более чем 20-летний опыт демократизации, до сих пор сохраняют актуальность. В условиях диктатуры правящие партии выполняли роль авангарда авторитарных лидеров, и их основная функция заключалась в исполнении властной воли последних. Кроме того, правящая партия в силу особенностей избирательной системы и прямого манипулирования результатами выборов всегда имела большинство в Национальной ассамблее. Парламентское доминирование правящей партии не способствовало налаживанию переговорного процесса, проведению консультаций и дискуссий между правящей партией и оппозицией. Вне зависимости от мнения своих оппонентов, правящая партия всегда была в состоянии получить желаемое.

Поскольку оппозиционные партии были лишены возможности добиться своих целей с помощью закона и регламента, они были вынуждены полагаться в основном на незаконные, а иногда и насильственные меры. Например, они пытались бойкотировать обсуждение законопроектов, с которыми были не согласны, оккупировав зал заседаний Национальной ассамблеи. Иногда в поисках общественной поддержки они выходили на улицу. В крайних случаях лидеры оппозиционных партий прибегали к голодовкам, рискуя собственной жизнью. Несмотря на незаконность этих действий, многие корейцы поддерживали оппозицию, признавая, что другие способы борьбы с авторитарным режимом невозможны.

Поведенческие модели правящей и оппозиционных партий пережили и период демократизации. Даже если партия получает большинство мест в парламенте на демократических выборах, она пытается полностью использовать возможности своего доминирующего положения. Правящие партии предпочитают монополизировать законодательный процесс, а не идти на компромисс с оппозицией. Если же партии не удастся получить парламентское большинство, она пытается вернуть доминирующий статус не через налаживание сотрудничества с политическими противниками, а через слияние с небольшими партиями и / или через привлечение в свои ряды независимых парламентариев.

Поскольку правящие партии стремятся монополизировать законодательный процесс, оппозиционные партии, чтобы не утратить политического влияния, вынуждены полагаться на те средства, которые выработали еще во времена военных режимов. По иронии судьбы, когда оппозиционные партии становятся партиями большинства, они перенимают мажоритарную модель выработки решения, отказываясь от переговоров с оппонентами.

Конфликтная модель межпартийной конкуренции настолько укоренилась в южнокорейской политике, что даже в кризисные периоды, например в 1997 г., партии не смогли прийти к согласию и сформировать консенсусную двухпартийную систему.

Вторая причина конфликтогенности политической сферы Южной Кореи заключается в нарастающей идеологической поляризации политических элит. Как показывают результаты исследований, количество парламентариев с умеренной идеологической ориентацией существенно сократилось – если в 16-м созыве Национальной ассамблеи (2002–2007) к умеренному идеологическому

крылу принадлежали 62% депутатов, то в 17-м (2007–2012) таких было всего 35,4%, а в 18-м (2012 – н.в.) – только 22,8%.

Если идеология определяет образ мысли и поведение политика, то маловероятно, что он будет принимать политические решения, идущие вразрез с его убеждениями. Кроме того, консерваторы сплотились в одну партию («Сэнури»), а либералы – в другую (NPAD), что еще больше затрудняет возможность компромисса между ними. Идеологическая поляризация Национальной ассамблеи – одна из главных причин, по которой корейские политики не могут найти прагматичные решения, ведущие к повышению уровня жизни народа.

В этой ситуации доверие общества к Национальной ассамблее и политическим партиям находится на очень низком уровне. В табл. 2 приведены данные по уровню доверия к Национальной ассамблее и политическим партиям начиная с 1996 г.

Таблица 2

**Количество респондентов, доверяющих
Национальной ассамблее и политическим партиям**

Годы	Национальная ассамблея, %	Политические партии, %
1996	31,1	5,3
2003	3,8	5,5
2007	3,2	2,9
2013	N/A	3,5

Низкий уровень доверия к важнейшим демократическим институтам чреват неблагоприятными последствиями для развития демократии. Представленные в табл. 2 данные свидетельствуют, что в настоящее время абсолютное большинство корейцев не доверяют ни Национальной ассамблее, ни политическим партиям. Этот печальный факт означает, что граждане не считают парламент и партии способными к нормальному политическому функционированию. Как уже упоминалось выше, постепенный рост партийной идентификации корейских избирателей может расцениваться как свидетельство консолидации корейской партийной системы. Но мы видим, что уровень доверия к партиям и парламенту становится все ниже. По иронии судьбы, консолидация партийной системы

Южной Кореи происходит одновременно с падением уровня доверия к ней со стороны общества.

Заключение

Пока писалась эта статья, главная оппозиционная партия вышла на улицы, а один из ее лидеров объявил голодовку, требуя принять специальный законопроект о расследовании гибели парома «Севоль» («Sewol»), унесшей более 300 человеческих жизней. Нет сомнений, что действующие в Южной Корее законы и процедуры соответствуют требованиям полноценной демократии. Но среди политиков по-прежнему доминирует поведенческая модель, сложившаяся еще в период авторитарного правления.

Какой урок следует извлечь из южнокорейского опыта? Одно можно сказать точно – поведение политиков, в отличие от политических институтов, не поддается краткосрочной регуляции. Корейский пример свидетельствует, что в переходный период решающая роль должна принадлежать формированию консенсусной политической культуры, побуждающей элиту к партнерскому сотрудничеству во имя общественного блага, а не к войне до победного конца. Без этого движение страны по пути демократии будет чрезвычайно сложным.

Список литературы

- Bafumi J., Shapiro R.Y.* A new partisan voter // *The journal of politics*. – Cambridge, 2009. – Vol. 71, N 4. – P. 1–24.
- Bartels L.M.* Partisanship and voting behavior, 1952–1996 // *American journal of political science*. – Hoboken, NJ, 2000. – N 44. – P. 35–50.
- Bartels L.M.* Beyond the running tally: Partisan bias in political perceptions // *Political behavior*. – Oxford, 2002. – N 24. – P. 117–150.
- Clarke H.D., Stewart M.C.* The decline of parties in the minds of citizens // *Annual review of political science*. – Palo Alto, 1998. – N 1. – P. 357–378.
- Dalton R.J.* Democratic challenges, democratic choices: The erosion of political support in advanced industrial democracies. – Oxford: Oxford univ. press, 2004. – 230 p.
- Dalton R.J.* Partisan mobilization, cognitive mobilization and the changing American electorate // *Electoral studies*. – Oxford, 2007. – N 26. – P. 274–286.

- Dalton R.J.* The apartisan American: Dealignment and changing electoral politics. – Los Angeles, CA: CQ Press, 2013. – 220 p.
- Fiorina M.P.* Retrospective voting in American national elections. – New Haven, CT: Yale univ. press, 1981. – 288 p.
- Gerber A.S., Huber G.A.* Partisanship, political control, and economic assessments // American journal of political science. – Hoboken, NJ, 2010. – N 54. – P. 153–173.
- Goren P.* Character weakness, partisan bias, and presidential evaluation // American journal of political science. – Hoboken, NJ, 2002. – N 46. – P. 627–641.
- Hess R., Torney J.* The development of political attitudes in children. – Chicago: Aldine, 1967. – 456 p.
- Jhee B.-K.* Ideology and voter choice in Korea // Korean political science review. – Seoul, 2006. – N 40. – P. 61–83.
- Kim H., Choi J.Y., Cho J.* Changing cleavage structure in new democracies: An empirical analysis of political cleavages in Korea // Electoral studies. – Oxford, 2008. – N 27. – P. 136–150.
- Lodge M., Hamill R.* A partisan schema for political information processing // The American Political Science Review. – Cambridge, 1986. – N 80. – P. 505–520.
- Rosenstone S.J., Hansen J.M.* Mobilization, participation, and democracy in America. – N.Y.: Longman, 1993. – 368 p.
- Choi H.S.* What determined the 6.27 local election?: Partisanship and Regionalism // Korean political science review. – Seoul, 1995. – N 29. – P. 141–161.
- Han J.H.* Party identification of the Korean electorates: party platforms, party leaders and party activists // Analyzing the 2012 National Assembly election in South Korea / C.W. Park, W.T. Kang. (eds.) – Seoul: Nanam, 2012. – 268 p.
- Han J.T.* Sub-regionalism of Honam district after democratization // The Korean journal of humanities and the social sciences. – Seoul, 2013. – N 37. – P. 57–77.
- Hwang A.R.* A multiple indicators approach of partisan attitudes: an analysis of the effect of partisanship on voters' choice in the 17 th presidential election in Korea // Contemporary politics. – L.: 2008. – N 1. – P. 85–110.
- Jang S.J.* The Korean voters' attitude toward political parties: ideological and psychological foundation of party support and party voting // Analyzing the 2012 National Assembly election in South Korea / C.W. Park, W.T. Kang (eds.). – Seoul: Nanam, 2012. – 236 p.
- Kang S.T., Park J.H.* The change in Korean social movement and the post-materialism // Oughtopia. – Seoul, 2011. – N 26. – P. 5–38.
- Kang W.T.* Electoral politics in South Korea: ideology, region, generation and media. – Seoul: Purungil, 2003. – 286 p.
- Lee H.C.* The voting behavior of independent voters: the case of the 16 th Congressional election // Korean political science review. – Seoul, 2011. – N 34. – P. 137–160.
- Lee K.Y.* The Korean elections and regionalism. – Seoul: Orum, 1999. – 214 p.
- Lee K.Y., Lee H.W.* A study of influence of ideological voting: scope, measurement and meaning of ideology // Contemporary politics. – L.: 2008. – N 1. – P. 137–166.
- Mah I.S., Jaung H., Kim C.H.* The social and economic origins of a newly emerging social cleavage in Korean society // Korea and world politics. – Seoul, 1997. – N 13. – P. 29–52.

- Park C.W.* Party vote in the 14 th National Assembly elections // The Korean election I / Nam Young Lee (ed.). – Seoul: Nanam, 1993. – 342 p.
- Park K.M.* A note on successor parties in Korean politics // Contemporary politics. – L., 2009. – N 2. – P. 5–30.
- Park W.H.* Reconstruction of party identification // Analyzing the 2012 presidential election in South Korea / Chan Wook Park, Won-Taek Kang (eds.). – Seoul: Nanam, 2013. – 234 p.
- Yang J.I.* Elections and voting behavior in Korea: a case study of the National Assembly elections and localism // Korea and world politics. – Seoul, 2001. – N 17. – P. 1–33.
- Yoo S.J.* National Assembly as a representative institution and public trust: gap between expectation and reality // Korean journal of legislative studies. – Seoul, 2009. – N 27. – P. 119–143.

Перевод Толпыгиной О.А.